

ложила трубку, именно этот образ всплыл в ее мозгу. Волны, которые, пройдя долгий путь, наконец успокаиваются, превращаясь в белую пену в надежной, защищенной от непогод морской бухте.

Странно, обычно она не утруждала себя подобными фантазиями. Ей был чужд этот тип звуковых ассоциаций, или как их там еще называют. Она не была верующей и терпеть не могла поэзию.

— Том? — очнулась она наконец. — Какой Том?

— А у тебя их несколько?

Она задумалась. Нет, есть только один Том.

Точнее, *был*.

— Думаю, нам надо встретиться. Столько лет прошло.

— А...

Ее тело сотрясла дрожь, должно быть, она даже потеряла на секунду сознание. Если бы она сейчас попыталась встать, то неминуемо грохнулась бы на пол.

Но, слава богу, она не стала этого делать; она лежала в темноте на своей половине большой двухместной кровати и, когда короткий приступ страха миновал, машинально потянулась рукой к Роберту. Понадобилась целая секунда, прежде чем она поняла, что муж был в Лондоне. Он уехал в понедельник и обещал вернуться в пятницу, во всяком случае, не позже вечера субботы. Речь шла о съемках нового фильма, он даже упомянул пару-тройку имен известных актеров, но у нее все вылетело из головы. Он даже спрашивал, не хочет ли она поехать вместе с ним, но она отказалась. Лондон не входил в число ее любимых городов.

— Алло?

Она подавила в себе желание немедленно бросить трубку.

— Да?

— Так что скажешь?

— О чем?

— О встрече.

— Я... я не совсем понимаю.

В трубке было слышно, как ее собеседник глотает что-то.

— Знаешь что? Обдумай пока все, а я перезвоню тебе через несколько дней.

— Я не думаю, что...

Щелчок — и разговор прервался. Она положила трубку и осталась лежать в кровати без движения. Потом сложила руки на груди. Зажмурилась и снова открыла глаза; было кое-что, в чем ей следовало разобраться. Казалось, темнота продолжала порождать все те же медленные угасающие волны. Она подумала, что они должны что-то означать, что они хотят что-то объяснить ей, и весь смысл невысказанного был как-то связан с *расстоянием*. Бесконечно огромным расстоянием во времени и пространстве, и где-то в глубине этой далекой и в то же время такой близкой дымки продолжал звучать его голос. Чуть хриплый и чуть... Да, а в самом деле, какой? — подумалось ей. — Ироничный? Самоуверенный?

Том?

Обдумай пока все?

Она подсчитала и поняла, что прошло двадцать два года.

Двадцать два года и два месяца, если быть точной.

Психотерапевта звали Марией Розенберг. Ее приемная находилась на третьем этаже старинного каменного дома на Кеймерстраат, и Юдит Бендлер уже почти

десять лет являлась ее пациенткой. Правда, их встречи не были слишком частыми и не носили бурный характер. Они виделись всего раз или два в месяц, обычно по четвергам, в первой половине дня, и то, если только у Юдит находились дела в центре Маардама. После чего она перекусывала с одной из своих подруг в кафе, немного прогуливалась по магазинам и порой посещала одну из галерей в квартале Дейкстра. Или заглядывала в антикварный магазин Крантце, что в переулке Купински, если удавалось застать его открытым. Поезд от Холтенаара, где она жила, шел добрых полчаса, и она замечала, как с каждым годом в ней постепенно росло нежелание покидать свой красивый дом и еще более красивый сад у реки. Зачем покидать рай, если ты уже там?

Возможно, затем, чтобы позволить себе радость от новой встречи с ним? — предположил Роберт, когда она призналась ему в этом, и как всегда угадал. У Роберта вообще был талант без особых усилий попадать в самую точку, она сама ему сколько раз об этом говорила.

Должно быть, похожую радость она испытывала и от встреч с Марией Росенберг. Каждый раз. Пусть рушится мир, пусть погрязнет в войнах род людской, сжигая дотла города и убивая своих детей, Мария Росенберг будет сидеть там же, где и всегда. В своем глубоком кресле в комнате с тяжелыми гардинами и толстым кроваво-красным узорчатым ковром из Самарканда.

Сидеть и слушать.

Она была уже старой, когда Юдит познакомилась с ней после ссоры с Робертом, и оставалась все такой же и по сей день. Как психотерапевт она объясняла эту свою

застылость тем, что уже перешагнула рубеж, за которым время и годы уже не могут причинить вред. В конце концов она умрет, но пока этого не случилось, пока она не отправилась в свой последний путь — неважно, когда это произойдет, через пару месяцев или через пару лет, — дряхлеть в ее намерения не входило. Разве что стать чуточку мудрее, чуть более опытной — остальное ей было уже не по силам.

Но разумеется, не Мария Розенберг и ее жизненная философия были главной темой для разговоров, проходивших в этой тихой и сумеречной комнате.

— Добро пожаловать, Юдит. Надеюсь, дорога была приятной.

— Да, спасибо. Мне даже удалось сесть.

— Вот и славно. Побалуем себя чашечкой ройбуша?

— С удовольствием.

Как всегда, примерно одни и те же вступительные фразы. Пока Мария Розенберг сервировала чай в небольшой кухоньке за занавеской, Юдит сняла с себя верхнюю одежду и разулась. После чего уселась в угол дивана, накинув на ноги клетчатый плед и подложив под спину подушку. Она чувствовала, как ее буквально трясет от нервного перенапряжения, и у нее не было никаких сомнений в том, что стало этому причиной.

— Мне кажется, я ощущаю исходящую от вас тревогу. Но поправьте меня, если я ошибаюсь, — сказала Мария, входя.

Юдит все еще колебалась, стоит ли ей рассказывать о телефонном звонке, но когда старая дама, прищурившись, бросила на нее поверх чашки изучающий взгляд, она решилась. Если существуют на свете взгляды, от которых невозможно защититься, то у Марии Розенберг именно такой и был.

Разумеется, так и должно быть, и, пожалуй, Юдит уже знала об этом, когда с час назад садилась в поезд, — о том, что она ей все расскажет.

— Кое-что произошло...

— Вот как?

— У меня состоялся очень странный разговор по телефону.

Мария Росенберг кивнула и, пригубив чай, отставила чашку в сторону.

— Некто позвонил мне сегодня в половине четвертого утра.

— В половине четвертого утра? И вы ответили?

— Да. Не знаю почему, но я проснулась. За полминуты до звонка, я думаю. Так странно... И после этого мне было немного трудно уснуть.

— Кто вам звонил?

— Не знаю.

— Не знаете?

Юдит сделала глубокий вдох. Поправила плед и остановила свой взгляд на картине, которая висела между двумя узкими книжными стеллажами; довольно плохонькая репродукция «Монаха у моря» Каспара Давида Фридриха. Стоящая спиной к зрителю фигурка, взирающая на угрюмые волны. Она много раз задавала себе вопрос, почему ее умудренная жизнью психотерапевт выбрала именно эту репродукцию для своего кабинета? — но даже после более чем сотни встреч она так и не удосужилась спросить об этом.

— Он утверждал, что он — Том.

— Том? Вы имеете в виду...

Не отрывая взгляда от картины, Юдит кивнула. Краем глаза она видела, как Мария Росенберг сделала новый

глоток из чашки, а потом сложила руки на коленях. С выжидющим видом.

— Он хочет, чтобы мы встретились.

Монах на берегу не пошевельнулся. Мария Розенберг тем более.

— Но? — спросила она.

— Мне трудно поверить, что это он.

Она рассказывала о Томе, но это было очень давно, в одну из их первых с Марией встреч. На первых порах они не раз возвращались к этой печальной истории, но, насколько Юдит помнила, они не заговаривали о нем уже четыре или пять лет. А может, прошло даже больше времени с тех пор, когда они в последний раз упоминали его имя. Просто не было для этого повода.

Том, он был как законченная глава. Мрачный, преданный забвению отрезок жизни, и больше не было причин возвращаться к нему или пытаться что-то исправить. С Робертом они подавно о нем не говорили; между ними словно существовало некое молчаливое соглашение, и никто из них двоих никогда не пытался его нарушить. Юдит даже не могла припомнить, всплывали ли хоть раз в их разговорах имя Тома, с тех пор как они переехали жить в Холтенааре.

— Думаю, будет лучше, если вы вкратце обрисуете основные факты. Если, конечно, вы не имеете ничего против. Я помню только в общих чертах, ведь столько лет прошло с тех пор, как это случилось...

— Двадцать два, — ответила Юдит. — Двадцать два года и еще несколько месяцев.

— И в то время ему было...

— Семнадцать.

— Продолжайте. Или, быть может, вы не хотите об этом говорить? Вам решать. Я лишь слушатель, который